

АННА СЬЮЭЛЛ

—◆—
Черный
КРАСАВЕЦ

История лошади,
рассказанная ею самой

Иллюстрации
Натальи Демидовой

Издательство «Качели»
Санкт-Петербург
2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Где я жил, когда был маленький

Первое место, которое я помню, — это славный большой луг с чистым, прозрачным прудом. Над прудом стояло несколько тенистых деревьев, а на дальнем конце его росли камыши и кувшинки. За изгородью с одной стороны видно было вспаханное поле, с другой стороны — дом хозяина подле дороги. В одном конце луга была еловая роща, в другом, пониже, протекал ручей, за которым поднимался высокий берег.

Пока я был маленький, мать кормила меня своим молоком, потому что я не мог есть траву. Днем я бегал около нее, а ночью ложился спать близко-близко к ней. Когда было жарко, мы, бывало, стояли в тени деревьев, возле пруда. В холодное время нам было где укрыться под хорошим навесом подле рощи.

Когда я настолько вырос, что смог есть траву, моя мать стала уходить с утра на работу и возвращалась только к вечеру.

Кроме меня на нашем лугу паслось еще шесть жеребят; они были все старше меня; некоторые из них были совсем большие, как взрослые лошади. Мне

было очень весело с ними бегать и резвиться; мы, бывало, скакали во всю прыть кругом луга, но иногда, во время игры, мне больно доставалось от моих товарищей, которые на скаку лягали меня и кусали.

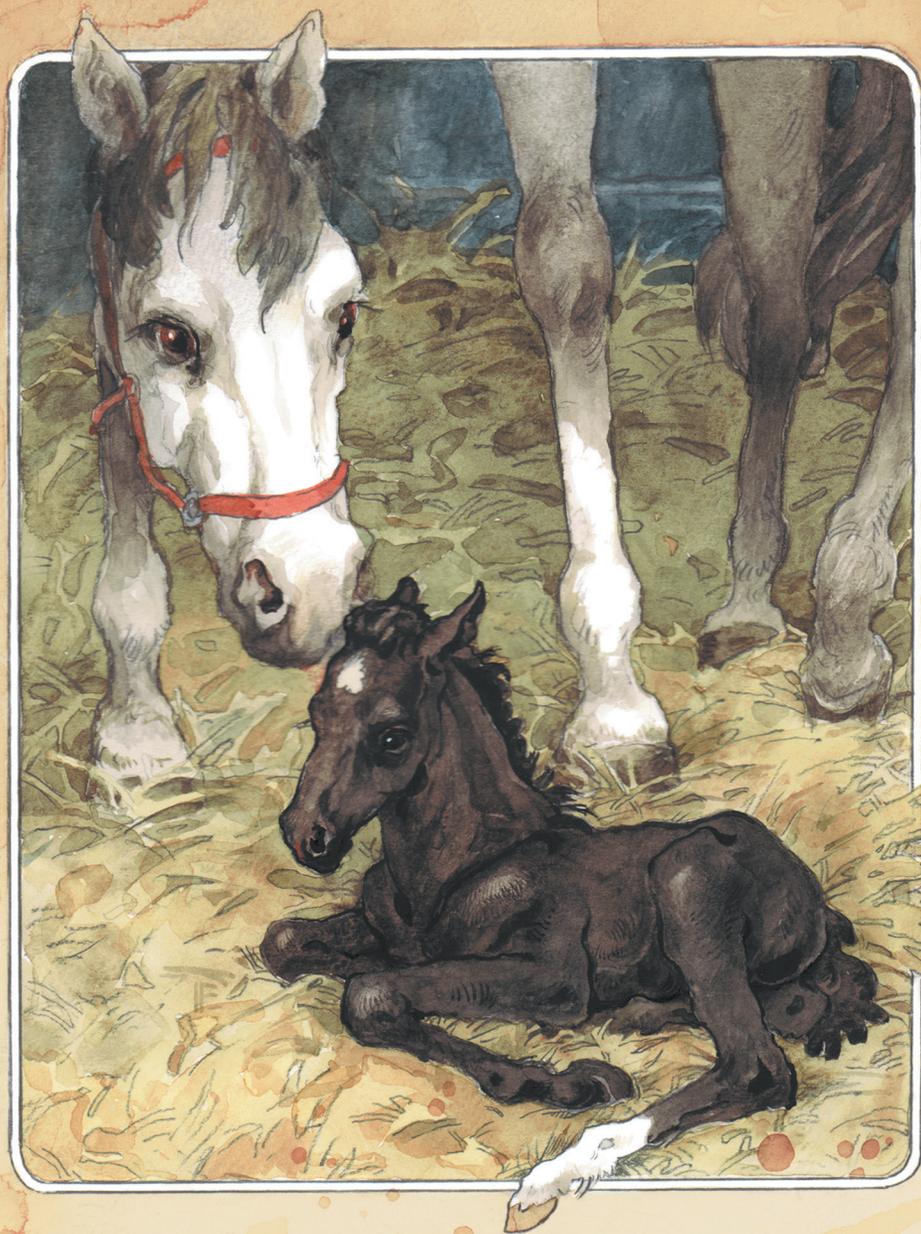
Однажды, когда я получил много колотушек, моя мать заржала, зовя меня к себе. Вот что она мне сказала:

— Слушай меня внимательно: здешние жеребята славные и добрые, но все они со временем будут ломовые лошади¹. От них нельзя ожидать большой нежности в обращении. Ты же породистый и хорошо воспитанный жеребенок; твой отец очень известен в здешних местах, а дедушка взял главный выигрыш на скачках в Ньюмаркете. Твоя бабушка была самая добрая, смирная лошадь, какую я когда-либо знала, и я никогда не лягала и не кусала никого. Надеюсь, что ты вырастешь такой же и не приобретешь дурных привычек. Смотри, делай свое дело с охотой, хорошенько поднимай ноги, когда бежишь рысью, и никогда не кусайся и не лягайся.

Я всегда помнил совет матери; я знал, что она мудрая старая лошадь и что хозяин о ней высокого мнения. Ее звали Герцогиней, но хозяин часто называл ее Любимицей.

У нас был очень добрый хозяин. Кормил он нас хорошо и обращался с нами ласково, как со своими маленькими детьми. Мы все его любили, а моя мать была к нему очень привязана. Завидев его подле калитки, она ржала от радости и подходила к нему. Он гладил ее и говорил:

¹ Ломовая лошадь — предназначенная для перевозки тяжестей.

— Ну, как поживаешь, старая Любимица? А что подельывает маленький Черныш?

Меня так прозвали за мою совершенно черную масть. Хозяин, поласкав мою мать, угощал меня вкусным хлебом, а матери приносил морковку. Все лошади подходили к нему, но мы были его любимцами. Моя мать всегда возила его в город по базарным дням в легонькой тележке.

Один из рабочих фермы, юноша по имени Дик, приходил иногда в наш загон, чтобы набрать костяники, которой росло много вдоль изгороди. Наевшись вволю, он начинал с нами играть, то есть он называл это игрой: он бросал в жеребят палки и камни, желая посмотреть, как они поскачут. Мы не обращали на него большого внимания, потому что могли ускакать от него, но случилось, что камень кого-нибудь больно задевал.

Однажды, забавляясь таким образом, он не заметил хозяина, который был на соседнем поле. Хозяин в одну минуту перескочил через изгородь, подбежал к нему и, прежде чем Дик успел оглянуться, так выдрал его за уши, что бедняга закричал от боли и испуга. Мы все приблизились к хозяину — нам любопытно было увидеть, что будет дальше.

— Дурной мальчишка! — сказал хозяин. — Как тебе не стыдно гонять жеребят? Ты, верно, не раз уже проделывал свои злые шутки с ними. Но это будет последний раз. Возьми деньги и ступай-ка домой. Ты мне больше не нужен.

Итак, мы больше не видели Дика. Старый Даниэль, ходивший¹ за лошадьми на ферме, был такой же добрый человек, как хозяин. Нам очень хорошо жилось.

¹ Ходить за лошадьёю — ухаживать за ней.

Глава II

Охота

Мне еще не было двух лет, когда случилось одно происшествие, которого я никогда не забуду. Дело было ранней весной; ночью морозило, а с утра над лугами и рощами стоял легкий туман. Я щипал траву с другими жеребятами. Вдруг мы услышали вдали что-то вроде собачьего воя. Старший из нас, наострив уши, сказал:

— Это охота!

Он тотчас поскакал на другую сторону лужайки, откуда можно было далеко видеть поле; мы, конечно, все побежали за ним. Моя мать и старая верховая лошадь хозяина, стоявшие неподалеку от нас, разговаривали между собой, и видно было, что для них дело это весьма знакомое.

— Они нашли зайца, — сказала моя мать. — Если они его сюда погонят, мы увидим охоту.

Вскоре вся стая собак высыпала на соседнее пшеничное поле. Они бешено бежали, оглашая воздух неистовым криком. Это было что-то ужасное, не похожее

на лай, — какой-то непрерывный рев! За ними скакали несколько всадников; некоторые из них были в зеленых сюртуках. Старая верховая лошадь хозяйна зафыркала, жадно следя глазами за охотой, и нам, жеребяткам, хотелось скакать там на просторе. Но вот охота остановилась в следующем поле. Собаки смолкли и забегали в разные стороны.

— Они потеряли заячий след, — заметила старая лошадь. — Может быть, зайцу удастся от них уйти.

— Какому зайцу? — спросил я.

— Не все ли равно какому? — ответила старая лошадь. — Может быть, здешнему какому-нибудь, из нашей рощи. Людям и собакам только бы напасть на зайца, они не отстанут от него.

Действительно, скоро снова поднялся собачий рев; вся стая бросилась назад, по направлению к нашему лугу, в то место, где за ручьем начинался высокий берег.

— Теперь мы увидим зайца, — сказала моя мать.

В эту самую минуту заяц, обезумевший от страха, пробежал мимо, к роще. Собаки как бешеные мчались за ним; они перескочили через ручей, а за ними и охотники. Человек шесть или семь ловко перепрыгнули. Заяц попытался проскочить через изгородь, но она была слишком частая; он бросился опять на дорогу, однако было уже слишком поздно: собаки с диким лаем окружили его. Мы услышали пронзительный крик. Тем и кончилась жизнь зайца. Один из охотников подскакал к стае рассвирепевших псов и отогнал их арапником¹, а то они разорвали бы зайца на куски.

¹ Арапник — длинная охотничья плеть.

Охотник поднял зайца за заднюю окровавленную ногу, — и все господа казались очень довольными.

Что касается меня, я был до того изумлен всем виденным, что сначала не разобрал того, что случилось подле ручья, но когда я наконец оглянулся в ту сторону, то увидел печальную картину: две красивые лошади упали на скаку, — одна барахталась в воде, а другая лежала на траве. Один из ездовых вылезал из ручья, весь покрытый грязью; другой лежал неподвижно.

— Он сломал себе шею, — сказала моя мать.

— И поделом ему! — заметил один из жеребят.

Я подумал то же, но моя мать не согласилась с нами.

— Нет, так не надо говорить, не надо ни о ком говорить дурно! — сказала она. — Странные развлечения у людей! Хотя я, старая лошадь, многое на своем веку видела, но я никогда не могла понять этой забавы, в которой люди находят столько приятного. Они часто сами ушибаются, портят дорогих лошадей и мчатся по полям из-за какого-нибудь зайца, или лисицы, или оленя, которых они могли бы себе достать гораздо легче, без всякой травли. Но, конечно, мы, лошади, этого не можем понимать.

Пока мать рассуждала, мы смотрели на то, что происходило между охотниками. Многие из них окружили неподвижно лежавшего молодого человека. Наш хозяин, который тоже был там, первый нагнулся к нему. Когда он его приподнял, голова и руки молодого человека безжизненно свесились; все лица были очень серьезные. Теперь все было тихо кругом, даже собаки смолкли, почуяв что-то недоброе. Молодого человека внесли в дом к нашему хозяину. Я услышал

потом, что это был Джордж Гордон, единственный сын богатого помещика, статный, красивый юноша, гордость семьи.

Посланы были гонцы за доктором, за ветеринаром и к помещику Гордону известить его о случившемся.

Ветеринар, осмотрев вороную лошадь, лежавшую на траве, покачал головой: у нее была сломана нога. Кто-то сбегал в дом нашего хозяина за ружьем, и вскоре раздался какой-то громкий звук; в ту же минуту мы услышали пронзительный крик. Потом снова наступила тишина.

Вороная лошадь лежала без движения. Моя мать казалась сильно взволнованной; она сказала, что давно знала вороного коня, которого звали Роб-Рой. Это был прекрасный, горячий конь, без малейшего порока. (Моя мать потом никогда больше не ходила в ту сторону луга.)

Несколько дней после того мы услышали колокольный звон, доносившийся от соседней церкви; глядя через забор, мы увидели ехавшую по дороге странную черную карету с лошадьми, покрытыми черными попонами. За ней ехала другая карета, третья, четвертая, и все они были черные, а колокол все звонил. Это везли молодого Гордона на кладбище. Он никогда больше не поедет верхом.

Что сделали с Роб-Роем, я не знаю; но знаю, что все это случилось из-за одного маленького зайца.

Глава III

Мое воспитание

Я стал хорошеть; шерсть у меня была тонкая и мягкая, блестящая, черная. Одна нога у меня была белая, и на лбу у меня была хорошенькая белая звезда. Все считали меня очень красивым, хозяин не хотел продавать меня до четырех лет; он говорил, что мальчики не могут работать, как взрослые люди, и жеребята не должны идти на работу, пока они не вырастут.

Когда мне минуло четыре года, помещик Гордон приехал к нам покупать меня. Он осмотрел глаза, рот и ноги; меня заставили пройти перед ним рысью и галопом. Кажется, я понравился ему. Он сказал моему хозяину: «Когда его хорошенько вышколят, он будет великолепен». Хозяин решил сам заняться моим воспитанием, так как он не желал отдавать меня чужим людям, которые могли бы меня пугать и бить.

Не всякому известно, что такое воспитание лошади есть то, что принято называть «тренировкой».

Учение наше состоит в том, чтобы привыкнуть к седлу и узде, возить смирно и слушаться воли ездо-

ка: мужчины ли, женщины ли, ребенка ли — все равно. Кроме того, надо выучиться носить хомут, шлею, подхвостник¹ и стоять неподвижно, пока седлают. И это еще не все. Приходится учиться таскать за собой телегу или кабриолет, причем лошадь должна бежать так скоро, как захочет возница. Она никогда не должна пугаться, разговаривать с другими лошадьми и, что еще важнее, не должна кусаться и брыкаться. Одним словом, хорошо воспитанная лошадь не имеет своей воли, а знает только волю хозяина, как бы она ни устала и ни проголодалась. Хуже всего то, что в хомуте нельзя уж попрыгать для своего удовольствия, нельзя лечь отдохнуть. Видите, как трудно лошади пройти всю школу учения!

Я уже давно привык к недоуздку², на котором меня водили гулять тихим шагом в поле и по дорогам; но теперь приходилось испробовать настоящую узду и удила. Сначала хозяин накормил меня овсом, потом, лаская и уговаривая, вдел в рот удила, или мундштук. Какая это была гадость! Кто никогда не имел удил во рту, не может даже представить себе, до чего это неприятно! Представьте себе, что вам в рот положили большой кусок железа, толще пальца мужчины, между зубами, на язык, и притянули это железо ремнями ко лбу, к шее, к носу, к подбородку, так что никак нельзя освободиться от этой гадкой твердой вещи! Ужасно неприятно! Но я видел, что мою мать взнуздывали так же, когда ее запрягали, и то же делали со всеми взрослыми лошадьми. Благодаря вкусному

¹ Хомут — приспособление из дерева и мягкого валика, надеваемое на шею лошади; шлея — ремень, который прикрепляется двумя концами к хомуту и проходит по бокам и спине лошади; подхвостник — ремень, идущий от седла под хвостом у лошади.

² Недоуздок — конская уздечка без удил и с одним поводом.

овсу и ласковому обращению моего хозяина я наконец привык к мундштуку.

После этого меня стали приучать к седлу, но это мне показалось гораздо легче. Хозяин сам в первый раз надел на меня седло, пока старый Даниэль придерживал мою голову; лаская и похлопывая меня по спине, хозяин застегнул подпругу¹, после чего я получил немного овса и меня поводили. Так поступали со мной каждый день, и я привык к седлу, всегда ожидая овса при седлании.

Наконец, в одно хорошее утро, хозяин оседлал меня и поехал по мягкой траве луга. Конечно, мне сначала было неловко, но я гордился тем, что везу на себе хозяина. Он каждый день седлал меня и ездил верхом, так что я скоро привык к этому.

Следующую неприятность я испытал при подковывании копыт; в первый раз мне было очень даже тяжело. Хозяин сам отправился со мной в кузницу, чтобы меня не напугали и не сделали мне больно. Кузнец брал одну за другой мои ноги и обрезал копыта; при этом я не почувствовал никакой боли, почему и стоял смирно на трех ногах, пока все четыре копыта не были подготовлены. Потом кузнец прибил на каждое по закругленному куску железа. Он вбивал гвозди в самую глубину копыта, так что подкова плотно сидела на ноге. Сначала мне показалось очень тяжело и неловко, но со временем я привык и к этому.

По окончании курса верховой езды хозяин попробовал меня в упряжи². На шею мне надели крепкий

¹ Подпруга — ремень, затягиваемый под брюхом лошади.

² Упряжь — совокупность приспособлений для запряжки лошадей.

хомут, уздечку с большими кожаными клапанами — это были наглазники, чтобы я не мог смотреть по сторонам, а только вперед. Эти наглазники и седелка с твердым ремнем были мне вначале не менее противны, чем мундштук. Когда мой хвост подхватывали твердым ремнем, я готов был даже брыкаться, но я не решился этого сделать, чтоб не огорчить доброго хозяина. Итак, по прошествии некоторого времени, я привык ходить в упряжке, как раньше научился ходить под седлом.

Припоминаю еще одну предосторожность, принятую хозяином во время моей тренировки, — я навсегда остался благодарен ему за нее. Хозяин послал меня на две недели на одну соседнюю ферму, возле которой проходила железная дорога. Здесь паслось несколько коров и овец, и меня пустили с ними на траву. Я никогда не забуду первого поезда, проехавшего мимо меня.

Я тихо пощипывал траву подле решетки, отгораживавшей наш лужок от железной дороги; вдруг я услышал в отдалении странный шум, и, прежде чем я успел оглянуться, какое-то длинное чудовище промчалось со страшным грохотом мимо меня, оставляя за собою полосу густого черного дыма! Я поскакал как сумасшедший и остановился только на дальнем конце луга, тяжело дыша и фыркая от страха и удивления. В течение дня проехало еще много поездов; некоторые останавливались на станции, рядом, и издавали тогда резкий свист и рев. Мне все это казалось очень страшным, но коровы продолжали спокойно щипать траву, едва поднимая головы, когда чудовище мчалось мимо них.

Первые дни я не мог успокоиться и плохо ел, но когда я увидел, что ужасная вещь не заезжает в наш

луг и не делает мне ровно никакого вреда, я стал привыкать и вскоре обращал на поезда так же мало внимания, как коровы и овцы.

С тех пор я нередко видел, как лошади пугаются при виде поездов, но, благодаря моему доброму хозяину, я стою так же бесстрашно около железнодорожных станций, как в собственном стойле.

Вот как следует воспитывать молодую лошадь.

Хозяин часто запрягал меня в дышло¹ с матерью, потому что она была смирная лошадь и могла лучше другой научить меня ходить в дышле. Она мне говорила, что чем лучше я буду служить, тем лучше будут люди со мной обращаться, и что благоразумнее всегда стараться угодить хозяину.

— Но, — говорила она, — бывают разные люди. Есть такие же добрые и заботливые, как наш хозяин; таким хозяевам лошадь может служить с гордостью, но бывают жестокие, дурные люди, которым не следовало бы никогда иметь лошадей или собак. Кроме таких злых хозяев встречаются и просто глупые, самоуверенные и невежественные люди, которые не дают себе труда ни о чем подумать. Подобные хозяева портят лошадей от глупости; не то чтобы они хотели сделать вред, но они не умеют обращаться с лошадьми. Надеюсь, что ты попадешь в хорошие руки, но лошадь никогда не знает, кто ее купит, кто будет управлять ею. Повторяю тебе: где бы ты ни был, старайся вести себя как можно лучше, поддерживай везде свое доброе имя.

¹ Дышло — приспособление, которое прикрепляется к передней оси повозки при парной запряжке.

Глава IV

Бертвикский парк

Перед отправкой на новое место меня ежедневно чистили и убирали¹ в стойле, где я стоял теперь. Моя шерсть стала блестеть, как крыло грача. В начале мая пришел за мной человек от помещика Гордона. Хозяин сказал:

— Прощай, Черныш! Будь хорошей лошастью, старайся всегда.

Я не мог сказать ему что-нибудь на прощание, но зато сунул нос в его руку; он ласково потрепал меня, и я покинул свое родное гнездо.

Так как я провел несколько лет у помещика Гордона, опишу его поместье.

Парк его начинался на краю деревни Бертвик. В него въезжали через большие железные ворота, у которых находилась первая сторожка. Мягкая, укатанная дорога между двух рядов больших старых деревьев вела ко второй сторожке и вторым воротам, за которыми начинались сады и дорога к самому дому.

¹ Убирать кого-либо — чистить, мыть.